

Я ехал в Калининград. На научную конференцию. В общем-то, мог бы эту поездку отложить. Только что вернулся из столицы, где на симпозиуме прочитал свой блестящий доклад по современным проблемам флористики. Там же встретился со светилами этой науки, познакомился с учеными из Европы. Мне бы отдохнуть от суеты, привести в порядок информацию и впечатления, подготовить отчет на кафедре. Но я опять был в дороге вопреки здравому смыслу. Еще и за свой счет.

Мне не спалось. Я вышел в коридор и смотрел на ночные огни за окном... Была важная причина, по которой я не мог не согласиться на эту поездку: моя давняя и тайная мечта совершить морское путешествие, кажется, впервые обрела реальные черты. Самые обычные и в то же время удивительные обстоятельства направляли меня туда, откуда летом должен был отплыть корабль в научную экспедицию по северным морям нашей Родины. От ученых-друзей я узнал, что набирается команда. Я был почти уверен, что мои знания и научные разработки будут очень кстати в предстоящем путешествии. Если удастся вписаться в экспедицию, на что я очень надеялся, наша флористика обогатится такими исследованиями, от которых, может быть, зависит будущее всей планеты... Была и еще причина волнения, что не давала мне уснуть, несмотря на усталость. Моя мысль все время обращалась к фамилии не знакомой мне участницы конференции, доклад которой обозначался так: «Особенности флоры прибрежной полосы Балтийского моря». Дело было не в переключке наших научных интересов, а именно в фамилии. Она вытащила из моей памяти один эпизод, точнее, один день из далекого детства, который опять же удивительным образом связался с этой поездкой. И теперь, чем ближе Калининград, мне становилось тревожнее и одновременно радостнее. Впрочем, расскажу все по порядку...

Происходило это в конце пятидесятых. Юрий Гагарин еще не полетел в космос, и в нашем поселке телевизоров еще не имелось. Мне было около семи лет, я готовился к школе.

Год назад умер мой отец и мама двадцати семи лет осталась вдовой. Горе ее подкосило, она тяжело болела. Я помню, как, придя с работы, она хлопотала по хозяйству с привязанной к спине грелкой и тихо напевала песни, будто они — главное лекарство в нашем доме. Большую часть времени я предоставлен самому

себе. Но никогда не скучал, потому что, как и другие ребята, я увлекался собиранием спичечных этикеток, стрелял из лука, вырезал из бумаги человечков, рисовал в альбоме военные сражения, строил шалаш в саду из старых веток, и еще я с упоением читал книги, в которых находил и друзей, и интересные мысли, и новые впечатления. У меня был друг Вовка, который учился в мамином классе.

Самое любимое занятие для меня — наша с мамой математика. Уже поздно вечером, когда мама складывала в сумку пачки проверенных тетрадей и учебники, мы садились с нею рядом на наш старый диван или, если это было зимой, забирались на теплую печку и раскрывали толстую тетрадь, страницы которой исписаны столбиками цифр, знаками сложения и вычитания. Простыми арифметическими действиями обозначались наши жизненные проблемы и планы на будущее.

Сначала мы считали, сколько дней осталось до маминой зарплаты. Потом — сколько денег нам нужно, чтобы дожить до этого дня. Мы вместе придумывали, на чем можно сэкономить, чтобы не занимать у соседки. Надо сказать, что иногда нам это, действительно, удавалось. Просчитывались неизбежные расходы. Для нашей жизни обязательно нужны соль, мука, хлеб, крупа и, конечно, сахар. Еще дрова, чтобы зимой топить печку, керосин для керогаза... Вдруг оказывалось, что мои летние башмаки совсем разбились и нужна новая обувь... Но все же маме удавалось высчитать остаток, который потом превращался в мои любимые конфеты «подушечки», билеты в кино, новый альбом для рисования, раскраску или карандаши. Из этого остатка, как правило, ничего не превращалось во что-нибудь для мамы. Все всегда для меня. Правда, то, чего она очень хотела, нельзя купить за деньги. Например, чтобы ученики в ее классе были самые лучшие. Для этого она занималась с ними после уроков, учила их хорошо читать и писать, еще и сочинять стихи, петь песни; они выпускали стенгазеты, делали разные поделки из бумаги и пластилина, новогодние костюмы. Украшали к праздникам класс, ухаживали за цветочной клумбой... Октябрьские «звездочки» соревновались, кто сделает больше хороших дел. В школе всегда происходило много важных и интересных событий. Мне кажется, именно поэтому мама постепенно выздоравливала. Ей, конечно, тоже хотелось что-нибудь купить для себя, например, новое платье или пальто с красивым воротником. Однако эти покупки откладывались на неопределенный срок, потому что я рос, вопреки всему, очень быстро, а перешивать старую одежду бесконечно невозможно.

Мы обычно закрывали тетрадку с мечтой о том, как, может быть, со следующей зарплатой начнем откладывать понемногу на покупку нового радиоприемника, потому что старый хрипел, а я любил слушать разные передачи. В общем, опять для меня.

В тот день, который я вспоминаю, стояла осень. С утра лил холодный дождь, на улице разрастались лужи. Я сидел дома, потому что новые сапоги мне не купили. До маминой зарплаты оставалась еще целая неделя. Во двор я выходил в огромных отцовских литых сапогах. Это — едва ли не самая ценная вещь в нашем доме. Пошагав по лужам, я опять забираюсь на диван, чтобы почитать книжку. У мамы было хорошее настроение. Она готовила еду и по своей привычке напевала, но совсем не грустную мелодию, и я знал, почему. Мамин класс лучше всех написал контрольный диктант, и даже отстающий Вовка получил твердую четверку. Я терпеливо ждал, когда мама меня позовет обедать, и листал свою любимую книжку.

Книжка была большая, старая, неизвестно откуда появившаяся в нашем доме. В ней рассказывалось о морских путешествиях, дальних плаваниях, о смелых людях, кораблях, открытиях и загадочных исчезновениях экспедиций. Я в тысячный раз всматривался в лица мужественных героев; их имена говорили мне о какой-то необыкновенно интересной, заманчивой жизни: Колумб, Магеллан, Беринг, Дежнев, Крузенштерн, Лисянский, Беллинсгаузен, Лазарев, Невельский... Названия кораблей манили в неизведанные просторы планеты: «Санта-Мария», «Виктория», «Надежда», «Восток», «Новая Земля»... Мне нравилось представлять себя на капитанском мостике за штурвалом большого корабля. Я отдавал команды «Лево руля!», «Право руля!», «Полный вперед!» Наша бедная комната в моем воображении становилась просторной палубой корабля, который плывет, рассекая огромные волны. Дождь на улице казался штормом, окна — иллюминаторами, и я следил, чтобы мы не налетели на скалу или айсберг и благополучно прошли узкий коридор пролива... Я выучил все знаки морских отличий, а по рисункам — азбуку Морзе. Я спасал команды терпящих бедствие кораблей, высаживался на льдины в холодных северных морях... В общем, представлял себя героем, имя которого непременно должно узнать все человечество. Воображение уносило меня далеко-далеко, но в действительности еще никто на свете, даже мама, не знали, куда держит курс мой корабль...

В шуме волн послышался скрип входной двери, и я отчетливо различил, как вскрикнула мама. Что-то случилось. Я слетел с дивана, выскочил в прихожую и остановился с разбега, как будто мне отдали команду «Полный назад!» Медленно отступил и прилип к стене. В нашей маленькой полутемной комнате, в которой умещался обеденный стол, деревянная скамейка и один стул, стоял капитан дальнего плавания. Я это понял сразу, потому что мужчина был в форме морского офицера, как на картинке из моей книжки. В наш дом вкатилось солнце, а меня накрыло холодной волной. Видимо, я был похож на истукана с вытаращенными глазами. Мой вид, конечно, не располагал к общению, потому что гость, взглянув на меня, как-то быстро отвернулся. Мама вытирала руки о мокрый фартук и что-то говорила. До меня стали доходить ее слова, из которых я понял, что к нам приехал Сергей Иванович, лучший друг детства и юности моего отца. Из Калининграда. Он, действительно, капитан дальнего плавания. Мамин голос приводил меня в чувство, стена немного отпустила, и я, кажется, пошевелился. Покоритель морей и океанов опять коротко взглянул на меня. В его глазах весело плескалось море и играло солнечным светом. Он открыл свой чемодан, что лежал на лавке, и

стал выкладывать на стол то, что, в моем представлении, могло быть только на сказочных самобранках: большие оранжевые апельсины, две пачки печенья, конфеты в красивой коробке, на которой был нарисован корабль с белыми парусами, а еще большой кусок колбасы и желтый с дырочками сыр... На столе появились две банки с какими-то консервами и бутылка вина. Я вдруг засомневался в реальности происходящего. Перевернул взгляд на маму. Она стояла, держась за свой фартук, и молча смотрела на все это. Капитан обернулся к ней и весело сказал: «Угощайтесь». Мама как будто очнулась, захопотала у керогаза, а наш гость стал рассказывать о себе. Оказывается, он только что вернулся из долгого трудного плавания, ничего не знал о смерти моего отца, а когда узнал, то сразу же поспешил к нам. Он говорил тихо, немножко беспокойно, а мне хотелось побольше узнать про плавание, дальние страны, корабль, на котором он ходил в море, и я отодвинулся от стены. Сергей Иванович заметил это и сказал, что привез фотографии из последнего своего путешествия. Он подвинулся на скамье, как бы приглашая меня сесть рядом. Я молча подошел. В руках капитана была пачка фотографий, и на первой я увидел мой корабль. Он сразу выделялся среди других в порту: огромный, красивый, и у него было самое прекрасное имя — «Мечта». Капитан протянул фотографию мне и сказал, что если бы мы с мамой приехали к нему в гости, то он обязательно привел бы меня на этот корабль, и мы постояли бы на капитанском мостике, а я подержал бы в руках штурвал.

Мечта и реальность вдруг фантастически соединились для меня в одном месте и времени; я совсем растерялся, поэтому глупо и неприлично молчал. Однако наш гость и не спрашивал ничего. Он показывал лядину, на которой мореплаватели ставили палатки и складывали грузы. Белых медведей, которые совсем не боялись людей; фотографии смелых ученых, работающих в суровых условиях северной широты на далеком острове Шпицберген... Фотографии из рук капитана переходили в мои и обратно, и я уже совсем убедился, что все происходящее в нашей комнате — правда и что-то едва уловимо уже меняется в нашей жизни. Моя душа затрепетала от радости предчувствия этих перемен...

Мама кстати отослала меня за луком и морковкой. Я с готовностью бросился в сад. Тащил из грядки овощи, потом присел на мокрую траву и смотрел в небо. Дождь кончился, но тучи шли низко, тяжело... Меня не звали. Я чувствовал: что-то очень важное должно сейчас решиться без меня. Вдруг вспомнил, как однажды мама рассказывала соседке, что у папы был лучший друг, они оба мечтали о море, но отец остался с нами, а друг далеко уехал... Эта история меня тогда особенно не интересовала, но сейчас я чувствовал, что появление Сергея Ивановича имеет какой-то особенный смысл для нашей дальнейшей жизни... Когда слышался зов, на всех парусах я устремился к манящему тайной нашему будущему.

Меня опять окатило волной. Я понял сразу, что важное решилось. И это было что-то нерадостное для всех нас. Капитан стоял посередине прихожей и держал в руках свою фуражку. На лице мамы отражалось сильное волнение; она сказала не очень знакомым голосом: «Сергей Иванович уезжает, ему нужно успеть на поезд». Друг моего отца посмотрел на меня так, как будто его корабль шел ко дну. В его потемневших глазах клубились тяжелые дождевые облака. Моя душа пришла в смятение, и я опять превратился в истукана. Сергей Иванович произнес тихо, как будто извиняясь передо мной: «Приезжайте ко мне в гости, это не так далеко, как кажется». Мама ничего не ответила, но по ее взгляду мне стало совершенно ясно, что мы никогда не поедем в Калининград, который, пока я сидел на грядке в саду, успел стать городом моей мечты. Капитан, наверное, почувствовал: больше всего я не хочу, чтобы он от нас уплывал. Потому что достал из кармана фотографию своего корабля, протянул ее мне и сказал: «Расти. Если очень захочешь, тоже станешь капитаном». И положил свою ладонь на мои вихры. Мне хотелось схватить его руку, прижаться к ней и никуда не отпускать, но он уже шел к двери, мама вышла из его провоза, и солнце катилось за синее море, а в нашем доме становилось темно и пусто. Я подошел к окну и смотрел сквозь прозрачную занавеску, как у калитки мама и капитан еще о чем-то говорили, потом она махнула рукой на прощание, и он зашагал от нашего дома, не оглядываясь, быстрым и решительным шагом. «Мечта» уплывала от нашей пристани и вот уже исчезла за поворотом, оставив после себя плещущий звук моей тающей надежды и внезапное чувство вины перед нашим гостем. Ведь почему-то он не сел с нами за стол. Так поступают те, кого обидели.

На столе одиноко стояла открытая бутылка вина, в рюмках застыло не выпитое вино, в вазе красовались апельсины; тарелку украшала нарезанная колбаса, из открытой консервной банки показывались хвостики золотистых рыбок, в хлебнице было много ломтиков свежего хлеба и, конечно, посередине стола — яичница с кусочками сала на сковородке, а в сахарнице — белый сахар. «Королевский обед». Но есть совсем не хотелось...

Мне кажется, что именно в тот день я навсегда разучился плакать, потому что, наверное, выплакал тогда все свои главные слезы. Мама не приходила, а я сидел на диване и молча переживал то, что случилось: что капитан не стал обедать вместе с нами; что я не успел рассказать ему ничего из того, что хотел, и он никогда-никогда уже не узнает о моей мечте; что мама опять будет ходить на свою работу, проверять детские тетрадки, а вечерами мы будем считать, сколько денег нам останется из маминой зарплаты на то, чтобы мы могли жить дальше. И я никогда не постою на капитанском мостике корабля «Мечта»... Слезы текли по моим щекам настоящими ручьями, и я их перестал вытирать. Обида накатывала соленой волной. Почему мама не посоветовалась со мной, а решила все сама? Ведь она любила меня больше всего на свете, она знала, как хочу я стать морским путешественником! И капитан не уходил бы от нас насовсем... Я упрекал капитана. Почему он не убеждал маму, а уехал сразу, даже не поговорив со мной?.. Когда слез не стало, я все еще сидел неподвижно, уставившись взглядом в стенку напротив. Наконец, различил портрет моего отца. Он, как

всегда, весело смотрел мне прямо в глаза, как будто ничего и не случилось, а все у нас хорошо. Мне стало еще обиднее. Почему он так рано умер, зачем не стал знаменитым мореплавателем, хотя поступил в мореходное училище; почему стал обыкновенным учителем и проверял тетрадки, как мама, а не путешествовал, как его лучший друг, на прекрасных кораблях в дальних морях. И не было бы тогда у нас с мамой таких тетрадок, а была бы прекрасная жизнь, и мечта не укатывалась бы солнцем из нашего дома...

Пришла соседка. Они с мамой разговаривали в прихожей, а я слышал обрывки их разговора. Соседка говорила, что Сергей Иванович — прекрасный человек, и, если бы мама решилась, мы бы могли жить «без горя», потому что «капитаны получают много денег», у них есть все, что нужно для счастливой жизни, и мама жила бы в Калининграде, как королева, а не билась бы здесь одна, «как рыба об лед». Мама как будто соглашалась с ее словами, больше молчала, и мое сердце опять затрепетало в каком-то ожидании. Но она как-то грустно, но твердо сказала: «Ничего. Как-нибудь проживем».

В этот день впервые мы не открыли нашу тетрадку. К вечеру совсем распогодилось. За горизонт спускалось золотое солнце, на небе не было ни одной тучки, а к ночи высыпались ясные звезды и подул совсем теплый ветер. Мы сидели на скамейке у дома, и мама рассказывала мне об отце.

Она вспоминала, как отец поступил в мореходное училище, но началась война, и он остался в своей деревне, чтобы помогать партизанам, побеждать врагов. Как воевал на фронте, получил медаль за смелость и отвагу, был ранен в бою. В двадцать лет стал председателем колхоза в своем селе, потому что почти все остальные мужчины не пришли с фронта. Как после Великой Победы он учился вместе с мамой в институте, потому что в нашей деревне и во всей округе не было учителей, а дети хотели учиться в школе. Потом вместе с мамой они строили свой дом в нашем поселке, и этот дом, как красивый и надежный корабль, отправился в самое интересное плаванье под названием жизнь. Мой отец никогда не унывал; веселый и умный, он был настоящим капитаном. У нас всегда собирались друзья, и я сам помнил, что на палубе нашего корабля было весело и интересно. Отец умел играть на гармошке и пел морские песни... Может быть, поэтому я стал мечтать о море?..

Мы сидели на скамейке долго, говорили о разном и все о чем-то очень хорошем. Наша кошка притихла у мамы на коленях и как будто прислушивалась к разговору. Я понял, почему мама не захотела уезжать в прекрасный город Калининград. И обижаться на нее за это было нельзя.

Потом я еще долго не мог уснуть и думал совсем по-детски, но, в общем-то, правильно. А если бы мы уехали в Калининград, куда бы мы дели наш любимый портрет отца? Это было бы неправильно снять его со стены, потому что, когда мы садились с мамой на наш диван, чтобы мечтать, мама всегда смотрела на отца, как бы советуясь с ним, я это замечал. И вообще, если бы мы уехали из нашего дома, то кто в нем тогда бы жил, кто собирал бы яблоки в нашем саду? А кто кормил бы нашу кошку?.. Я успокаивался, потому что убеждался: может быть, это даже лучше, что мама не хочет жить, как королева. Все ребята на нашей улице тоже мечтают, не один я. И мамы ученики мечтают. Например, Вовка хочет стать летчиком. Мама у него уборщица в школе и совсем не похожа на королеву... Отца у него нет тоже. А Вовка — самый веселый из маминого класса. Вчера сделал самолетики из бумаги и пускал их на переменке, а один самолетик опустился прямо на шляпу директора... И всегда с Вовкой случались какие-нибудь истории, но он не унывал, занимался спортом и разбирал с мамой трудные задачки, чтобы понимать, как устроены настоящие самолеты. У него не было никаких знакомых в больших городах, но он твердо решил, что когда вырастет, обязательно найдет то место, где учат на летчиков. А меня захватила глупость. Если бы мы оказались в Калининграде, разве это значит, что я уже стал капитаном? Разве не стыдно так думать? Потом приходили новые мысли: если бы мы уехали в далекий город, кому Вовка рассказывал бы о своих самолетах? Кто учил бы его лучше, чем моя мама? Недавно он просидел у нас целый вечер, пока не понял, сколько молока дает одна корова за целый год. А потом сам придумал задачку про то, сколько людей доставит пассажирский лайнер за один год туда и обратно, и за это получил пятерку...

Мысли про Вовку хорошо успокаивали шторм моих чувств, и, когда утром мама позвала меня завтракать, от этого шторма еще оставались следы, но сквозь тучи пробивались теплые солнечные лучи...

Прошел не один год. Я отлично учился в школе и занимался спортом. Наша тетрадь исписалась, а новую заводить мы не стали, потому что жизнь менялась. Мама уже не болела так часто, как раньше. Мы расплатились с долгами, понемногу откладывали деньги и купили телевизор «Енисей».

Странно, но мое желание стать мореплавателем куда-то постепенно улетучивалось. Я рос, и у меня появлялись новые интересы и новые мечты. Мне вдруг захотелось стать астрономом, я перечитал все книжки в нашей библиотеке о Вселенной, планетах и звездах... Потом увлекся теорией относительности Эйнштейна и решил про себя, что стану великим математиком... Учителя интересно рассказывали о тайнах природы, и мне хотелось совершать великие открытия... Получив золотую медаль в школе, я поступил в педагогический институт. Тот, в котором учился мой отец. Когда наступало время моих каникул, мама была веселой и счастливой, и нам казалось, что лучшей жизни вообще не может быть. Все вокруг как-то преображалось. Мы отремонтировали наш дом. Купили стиральную машину. Сложили новую печку с плитой, на которой готовилась еда, а старый керогаз сдали в утиль. На столе у нас появились сыр и колбаса. Почти всегда мамы классы были лучшими. За это она стала Отличником просвещения. На нашем корабле было радостно и солнечно.

Однажды до нас дошла весть о Сергее Ивановиче. Какая-то дальняя родственница приезжала к нам и

рассказала, что он живет все там же, в Калининграде, имеет семью, у него растет дочь. Живут они в большом достатке. Капитан часто уходит в плавание и подолгу не бывает дома, но жена у него, как барыня, не нуждается ни в чем. В общем, не жизнь, а сказка. Эта женщина сказала маме: «Вот так и вы могли бы жить». А я вспомнил, как капитан уходил от нас, не оглядываясь, и мне нестерпимо захотелось сказать ему какие-нибудь добрые слова. И не раз моя память выхватывала из прошлого эти картинки: капитан дальнего плавания в нашей темной прихожей, его солнечная улыбка; фотография корабля, переходящая ко мне в руки; теплая ладонь человека из мечты на моих вихрах; приглашение в Калининград; мамина растерянность... Вот он уходит от нашей калитки решительным шагом, а мне кажется, что солнце катится за синие горы... В такие минуты я решал: пройдет время, и я побываю в Калининграде. Обязательно. Почему-то в тот день он не смог пристать к нашему берегу, но никто не виноват... Мне очень хотелось, чтобы он понял это.

Однажды я перебирал старые бумаги и в альбоме с фотографиями обнаружил обрывок конверта с обратным адресом из Калининграда. Самого письма не было, но было совершенно ясно: адрес Сергея Ивановича. Помню свою радость: теперь я знаю, где живет моя детская мечта, я могу написать письмо! Но по какой-то причине не написал, что-то все время мешало, адрес затерялся, но я помнил его наизусть...

...Давно позади моя институтская жизнь. Я стал преподавателем и ученым с уже известной фамилией. В своих ботанических исследованиях я заплывал в такие дали, о которых мечтает не один путешественник, и делал открытия не менее интересные и важные, чем моряки-первооткрыватели. Я научился стойко переносить испытания и понял: чтобы быть капитаном, совсем не обязательно плавать на настоящем корабле в настоящем море.

Конечно, если уж быть честным до конца... Бывает, что меня иногда охватывает, казалось бы, навсегда забытое чувство, которое я переживал в далеком детстве, сидя на грядке в саду под мелким осенним дождем. И тогда мне опять видится корабль в неоглядном морском просторе, слышится плеск волн за кормой, и чайки криками возвещают о том, как им радостно жить в этом мире. Я вспоминаю моего друга Вовку, который все-таки стал летчиком и, может быть, летит где-нибудь над этим морем и любит с высоты моим кораблем...

Вот и теперь под стук колес и покачивание вагона я переживал эти чувства. Соседи по купе крепко спали, а я думал, потому что мечта опять возвращалась ко мне. Мой прекрасный корабль рассекал волны, на берегу меня кто-то ждал... Я различал хрупкую девичью фигуру, русую косу, как у мамы, и веселые синие глаза. Девушка что-то хотела мне сказать, и я услышал четкое слово «Калининград». Проводник тряс меня за плечо. Я проснулся. Мы подплывали к Калининграду. Город встречал нас прекрасным утром. Соседи копошились у чемоданов, я взял свой рюкзак и вышел из купе. Что ждет меня в городе, где живет друг моего отца и участница конференции с его фамилией? По странному, необыкновенному случаю наши с ней научные интересы пересекались. Конечно, я не был мистиком, но совпадение удивительное: конференция именно в Калининграде, идея моих научных поисков и место сбора экспедиции, возможность встречи с героем моей давней детской мечты. Вот странно: почему-то именно эта встреча мне стала казаться самым главным звеном в цепи удивительных совпадений. Как будто без этого я не мог отправиться в путешествие.

Я не знал точно, что скажу этому человеку. Мне хотелось рассказать ему о своей жизни так, чтобы он понял нас с мамой. Потому что неправильно, чтобы люди уходили от друзей, не оглядываясь, и это разделяло бы их всю жизнь.

Когда я ступил на перрон, в лицо пахнуло чем-то близким и родным. «Ну, здравствуй, Калининград!» — произнес я почти вслух.

... Развязка этой истории оказалось не такой, какой мне представлялась. Я опоздал на целый год — Сергей Иванович ушел в плавание, откуда не возвращаются никогда. Меня встретила его дочь Ася, которая о моем существовании ничего не знала, но оказалась очень приветливой и доброжелательной. Охотно рассказывала о своем отце, а я ей — о своей жизни. У нас обнаружилось много общего в интересах, научных позициях и в понимании жизни. Мы поучаствовали в конференции, она показала мне свой город, в который я влюбился. Потом Ася провожала меня в мое путешествие и встретила, когда я возвратился... Мы оба решили, что, несмотря на очевидно случайное стечение обстоятельств, наша встреча была давно предопределена. Но это уже другая история...

Идут годы. Уже бегут. Много событий интересных и важных произошло в моей жизни. Но никак не забывается эта не случившаяся встреча с героем моей давней мечты. Честно признаться, я не однажды мог, бросив все, приехать, увидеть, спросить, рассказать, не дожидаясь случая. Ведь друг моего отца говорил, что Калининград — это не так далеко. Может быть, он тоже всегда хотел нашей встречи, чтобы о чем-то мне рассказать. И теперь понимаю, что расстояние между точками на карте — условное препятствие. Жаль, конечно, что тогда не было интернета, электронной почты, мобильной связи... Это теперь так просто нажать кнопку и услышать голос друга, где бы он ни находился. Мне кажется, я понял главное: очень важно успеть сказать человеку добрые слова. Не опоздать услышать друг друга. И это все-таки во многом зависит от нас самих. Кстати, Вовка постоянно шлет мне свои воздушные приветы, а я ему — свои. Это здорово.